

ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

КАФЕДРА СТИЛИСТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА СЛАВИСТОВ

ISSN 2312-9751

Ежегодный международный научный журнал

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТИЛИСТИКИ

№ 2

Факультет журналистики
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Москва 2016

Бранко Тошович
(Университет Карла и Франца в Граце, Австрия)

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕИНКАРНАЦИЯ

Существуют самые различные художественные приемы, направленные на создание эффекта особого и оригинального повествования. Одни из них базируются на изменении качества, другие на модификации количества, третьи на перестановке знаков и их замене, четвертые на самых различных сдвигах. Существуют и приемы, оперирующие не с формальным материалом, а с реалиями. Одним из них является превращение известной личности (ученого, художника и т. п.) в виртуальную. Такой прием мы называем художественной реинкарнацией (ХудРеи). В статье речь идет о создании из конкретного индивида виртуального (поэтического, прозаического и драматического), превращении его в героя повествования, художественный образ, литературный мотив.

Ключевые слова: художественная реинкарнация, Иво Андрич, повествование, трансформация, виртуальная идентичность, виртуальная личность, поэзия, проза, драма.

Branko Tošović
(University of Graz, Austria)

ARTISTIC REINCARNATION

There are a wide range of artistic methods focused on creating the effect of personal and original narrating. Some of them are based on a change in quality, some on a modification of quantity, some on movement of the signs and their replacement, some on various shifts. There are also procedures that do not operate with formal material, but with realia. One of them is the transformation of famous (scientists, artists, etc.) into virtual personalities, in other words, the transformation of the real into the virtual identity. The author calls this procedure – the artistic reincarnation. This paper provides an analysis of cases of the real into the virtual personality (poetic, prose and drama) transformations.

Key words: artistic reincarnation, Ivo Andric, narrating, transformation, virtual identity, virtual personality, poetic, prose, drama.

Существуют самые различные художественные приемы, направленные на создание эффекта особого и оригинального повествования. Одни из них базируются на изменении качества, другие на модификации количества, третьи на перестановке знаков и их замене, четвертые на самых различных сдвигах. Приемы могут касаться (а) слов, словосочетаний, предложений и целых текстов, (б) парадигматики и синтагматики, (в) горизонтального и вертикального контекстов и т. д. Существуют и приемы, оперирующие не с формальным материалом, а с реалиями. Одним из них является превращение известной личности (ученого, художника и т. п.) в виртуальную. Такой прием мы называем художественной реинкарнацией (ХудРеи). Речь идет о создании из конкретного индивида виртуального (поэтического, прозаического и драматического), превращении его в героя повествования, художественный образ, литературный мотив. ХудРеи близка на первый взгляд к прецедентности, но они существенно отличаются: прецедентные единицы являются широко известными именами, используемыми в самых различных текстах (художественных, публицистических, научных, политических и др.) как культурные знаки, символы определенных свойств, в то время как ХудРеи подразумевает не трансформацию имени собственного в имя нарицательное, а оживление умершей личности и ее превращение в героя художественного произведения или художественный мотив. Объектом такой трансформации являются выдающиеся исторические лица, известные деятели науки, культуры, литературы, спорта...

В основе ХудРеи лежит транспозиция – перенос индивида из реального пространства, которое называем прошлой жизнью, в виртуальное пространство, которое называем художественной жизнью. На базе идиореалемы (реальной личности) возникает идиовиртуема («ожитая» личность). Целевым пространством (пространством для переноса) могут быть все временные планы: прошлое (идиореалема находится в своем времени – в прошлом, точнее, попадает в виртуальное минувшее время), настоящее (идиореалема транслируется во время повествования), будущее (идиореалема стано-

вится футуристической). Данный процесс происходит так, что реинкарнатор – генератор оживления (литератор) выбирает реинкарнат – объект оживления (конкретный индивид) и превращает его в реинкарнатуру (результат оживления). При этом соотносятся реальность и постреальность.

ХудРеи используется в различных формах художественного творчества и во всех литературных родах (в поэзии, прозе и драме), соответственно выделяются три ее разновидности – **встиховление** (стиховая реинкарнация; серб. *ustihovljenje*, нем. *Inversierung*), **вповествование** (прозаическая реинкарнация; серб. *upričavanje*, нем. *Innarratierung*) и **впьесение** (драматическая реинкарнация; серб. *udramatizavanje*, нем. *Indramatisierung*)¹.

Транспозиция литературного идентитета выступает в трех формах – как транспозиция личности писателя, транспозиция его персонажей и транспозиция его мотивов. В первом случае речь идет о реинкарнации, создающей идиореалемы (художника, реально существовавшего), во втором и в третьем – о а) реинкарнации созидательной художественной идиовиртуемы А (героя художественного текста, являющегося идиовиртуемой – образом, порожденным автором) и б) создании художественной идиовиртуемы Б. Таким образом, получается двойная трансформация – художественная модификация художественной модификации.

Каждая национальная литература имеет господствующие объекты ХудРеи. В русской литературе главным кандидатом для этого являются классики А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов... Превращения выдающихся деятелей в литературные персонажи отличаются различными особенностями, требующими индивидуального уточнения (например, превращение Пушкина в героя повествования можно назвать опушкиновением).

Для конкретного анализа ХудРеи мы выбрали не русскую литературу, а сербскую, в которой существуют яркие примеры та-

¹ Прием, при помощи которого умерший литератор становится в художественном произведении живым, мы называем на сербском языке *oličenje* (от слова *lik* 'образ', букв. 'воображение').

кого приема. В ней главным транспонируемым научным идентитетом является известный изобретатель в области производства и передачи электроэнергии Никола Тесла (см. Ađđačić 2014). Среди литераторов выделяются Иво Андрич, Милош Црњанский, Петр Кочич (см. Stojičić 2015c), Борислав Станкович, Бранко Чопич² и Данило Киш (см. Stojičić 2015d). Но на первом месте находится лауреат Нобелевской премии за 1961 год Иво Андрич.

Прием, которым Иво Андрич внедряется в литературный текст, мы называем **вандричением** (серб. *vandrićavanje*, нем. *Inandricierung*). Этот прием выступает в трех разновидностях: транспозиции личности Андрича, транспозиции его персонажей и транспозиции его мотивов.

Иво Андрич в последнее время все больше становится предметом художественной обработки. Причины этому разные. Во-первых, речь идет о самом известном писателе южных славян. Во-вторых, еще при жизни он стал литературным каноном и эталоном литературного творчества, языка и стиля. В-третьих, никто из южнославянских писателей не объединял в себе так сильно два компонента – литературный и философский: Андрич был не только выдающимся художником, но и великим мыслителем (к тому же он почти два десятилетия находился на дипломатической службе – с 1922 по 1941 гг.). В-третьих, своей жизнью и манерой поведения он сильно выделяется среди всех писателей своего (да и нашего) времени. В-четвертых, он настолько высоко поднял планку художественного творчества, что такая высота является недостижимой для многих. Это вызывает самые различные фрустрации и поощряет интерес и стремление использовать его как художественный мотив и как художественного героя. Андрич все чаще встраивается в стихотворения, прозаические формы, пьесы и становится объ-

ектом трех родовых ХудРеи: встиховления, вповествования и вpjesения.

Создание виртуального Андрича имеет точки соприкосновения с культурами (единицами культуры) и мемами (единицами культурной информации). В качестве последних выступает любая идея, символ, манера, образ действия, мотив, передаваемые в коллективе, в культуре и (в данном случае) в литературе при помощи вербальных кодов (языка) и невербальных средств (аудиовизуальных, ритуалов, жестов и т. п.). Иво Андрич становится объектом литературного подражания, копирования и клонирования, он превращается в своеобразный мем – знак с особой информацией. Так как в основе термина *мем* лежит греческое слово *μίμημα* ‘подобие’, его семантика соответствует ХудРеи, результатом которой является создание образа, подобного Андричу. Сходство между ХудРеи и мемами состоит и в том, что в этом приеме происходит удвоение Андрича (реальный превращается в виртуального), возникает репликация, типичная для мемов. И в ХудРеи проходит процесс размножения и подражания, так что уже в настоящее время существует целый ряд художественных копий реального Андрича. В то время как в мемах репликаторы для размножения копируют сами себя в форме авторепликации, в ХудРеи речь идет о репликации, порождаемой другими, причем реплицируется оболочка, которая заполняется самым различным содержанием. В отличие от мемов, выживание которых зависит от наличия по крайней мере одного носителя, ХудРеи никогда не зависит от одного носителя, а от культурной значимости объекта репликации: чем он сильнее закрепляется в данной культуре, тем больше он имеет возможность стать мемом. Позиция Андрича в сербской культуре настолько прочна, что он становится ориентиром во многих отношениях и предметом самых различных видов художественной обработки, репликации, копирования. Процесс вандричения является по сути дела процессом мемизации Андрича, в которой писатель спонтанно распространяется как идиовиртуема и становится не только литературным, но и культурным мемом.

² Насколько Петр Кочич и Бранко Чопич являются предметом ХудРеи, свидетельствуют три сборника их текстов (Stojičić 2015a, Stojičić 2015b, Stojičić 2015c) и роман *Republika Čopić: Narodnooslobodilački roman u devet ofanziva* [Республика Чопич: Народно-освободительный роман в девяти наступлениях] – Žurić 2015.

Сходство между ХудРеи и мемикой состоит и в том, что мемы и идиовиртуемы видоизменяются, комбинируются и расщепляются, формируя все новые и новые варианты. Но мемы размножаются или по воле своего носителя, или помимо его воли, а мемы, возникающие в процессе встиховления, вповествования и вpjesения, размножаются независимо от воли носителя по простой причине: идиореалемы нет в живых и, конечно, носитель не может соглашаться и не соглашаться с чем-либо.

Андричевский мем – это любой элемент, часть и аспект жизни и деятельности Иво Андрича, получивший широкое распространение и ставший в области языка, литературы, культуры и истории узнаваемым и значимым. Сюда относятся господствующие маркеры Андрича как человека, писателя, дипломата, точнее, «андриचेми», вышедшие после его смерти в «свободное» плавание и ставшие реплицироваться и распространяться, особенно в художественных произведениях.

Так как ХудРеи касается не только Андрича, но и ряда других писателей, создается целый комплект, который можно назвать литературным мемическим комплексом или литмимплексом³. В сербской литературе такой образуют в первую очередь Андрич и Црнянский⁴.

Творческое величие Андрича приводит к тому, что Андрич как художественный персонаж выходит за рамки одного поколения и переходит из категории горизонтального литературного мема (мема одного поколения) в вертикальный (мем нескольких поколений). Если вандричение станет модным и механическим приемом, такая репликатура может получить форму «ментального микроба», который, как и настоящие микробы, действует повсюду и передается в цепной реакции, вызывая побочные отрицательные воздействия.

Отдельным вопросом является соотношение вандричения и интернет-мемизации

³ Слово *мимплекс* обозначает комплексные мемы, охватывающие несколько мемов.

⁴ Насколько художественная обработка Милоша Црнянского порождает такой комплекс, свидетельствует хрестоматия Marčetić 2013.

(передачи мемов через Сеть), как правило в целях развлечения (иногда с ориентацией на провокацию, злонамеренность). Благоприятной средой для этого являются блогосфера и форумы.

В ХудРеи Андрича выделяются два типа мемов – личностный и творческий.

К личностным относятся физиологические особенности, манеры поведения и одежда Иво Андрича. В таких мемах находятся маркеры писателя, выделяющие (характеризирующие) его. Репликации и распространению подвергаются (1) физиологические свойства – тихий, гнусавый голос Андрича, (2) черты характера и поведения – молчаливость (молчание), замкнутость, одиночество, мудрость, осторожность, (3) психофизиологические состояния – бессонница, (4) образ жизни и привычки – прогулка по определенному маршруту, (5) части одежды – шляпа, плащ, (6) предметы – очки, перо, сумка. Эти репликаторы размножаются спонтанно (как-то сами по себе), копируются и ведут к различным модификациям и мутациям. Репликаторы Андрича могут выступать отдельно, могут комбинироваться и объединяться. Комплексные мемы (мемкомплексы), относящиеся к этому писателю, бывают гомогенными (объединение мемов только одной из упомянутых четырех групп, например, в четвертой категории шляпы и плаща) и гетерогенными (комбинация мемов различных групп, например, первой и третьей, скажем молчаливости и прогулки).

Творческими репликаторами являются персонажи и художественные мотивы Иво Андрича.

Вандричение имеет точки соприкосновения с симуляцией – порождением гиперреального предмета при помощи моделей реального, не имеющих собственных истоков и реальности (Бодрийяр 2013). Результатами процесса симуляции являются симулякры. Превращение реального Андрича в художественный персонаж представляет собой своеобразный симулякр в том отношении, что создается мнимая реальность, псевдовещь. Процесс ХудРеи этого писателя можно соотнести с процессом симуляции, состоящей из четырех ступеней развития: 1) порядок – отражение базовой реальности (класс

копий – например, портретная фотография), 2) порядок – последующее искажение и маскировка данной реальности (класс функциональных аналогий; скажем, резюме или грабли как функциональная аналогия руки), 3) порядок – подлог реальности и сокрытие непосредственного отсутствия реальности (где больше нет модели; знак, скрывающий, что оригинала нет, собственно симулякр), 4) порядок – полная утрата всякой связи с реальностью, переход знака из строя обозначения (видимости) в строй симуляции, то есть обращение знака в собственный симулякр (знак, не скрывающий, что оригинала нет) – Версия 1-www. Если ступени симуляции соотнесем с художественным внедрением Андрича, то получается следующее: в первой стадии происходит отражение базовой реальности (отражение реального Андрича), во второй стадии маскируется и искажается базовая реальность (реальный Андрич модифицируется, иногда до неузнаваемости), в третьей стадии исчезает базовая реальность (пропадает все то, что было реальным в жизни Андрича), в пятой стадии виртуальный Андрич не имеет никакого отношения к реальному Андричу. Исследуемый нами материал подтверждает во многом эту динамическую модель симуляции.

Различие между ХудРеи и симуляцией в том, что симулякр – копия, не имеет оригинала в реальности, означаемого объекта в реальности (например, фотография – симулякр той реальности, которая на ней отображена) и что симулякр – это изображение без оригинала, изображение чего-то, что на самом деле не существует. Вандричение имеет в основе оригинал – это писатель, родившийся в 1982 г. и умерший в 1975 г. Оба приема сходятся в том, что у них нет обязательного точного изображения (например, на фотографии природы и в виртуальном Андриче, в пересказе реальной истории своими словами и в художественном изображении Андрича).

Подобие является главным маркером, связывающим идиовиртуемы и симулякры: подобно тому как картинка может казаться цифровой фотографией объекта, который она изображает, но на самом деле он не существует и не существовал никогда, художественный Андрич может быть таким, каким

он никогда не был (например, он ругается матом, буянит, пьянствует – все это находим в Андриче как литературном персонаже). В обоих случаях речь идет о своеобразной подделке. Андрич, таким образом, становится литературной реальностью, отличающейся неподлинным и даже искаженным характером.

Симуляция и вандричение сходятся и в том, что речь идет об имитации, симуляции реальности и что в обоих случаях создается гиперреальность. Оба процесса могут стремиться стать единственной и самодостаточной реальностью. Как в ХудРеи, в симуляции происходит «замена реального знаками реального» (Бодрийяр), в результате чего симулякр оказывается принципиально несоотносимым с реальностью напрямую (Ильин 2001: 257), в нашем случае художественная копия Андрича становится несоотносимой с реальным Андричем. Вандричение – это своеобразное копирование оригинала и копирование копирования. «Признавая симуляцию бессмысленной, Бодрийяр в то же время утверждал, что в этой бессмыслице есть и ‘очарованная’ форма: ‘соблазн’, или ‘совращение’» (Ильин 2001: 257).

Вандричение можно соотнести и с толкованием Платона, согласно которому уже сам предмет реальности, изображаемый картиной или скульптурой, есть в некотором роде копия по отношению к идее предмета, эйдосу, а изображение этого предмета представляет собой копию копии и в этом смысле является фальшивым, неистинным (К вопросу-www).

ХудРеи имеет много точек соприкосновения с другим художественным приемом – стилизацией, особенно исторической (о ней более подробно см.: Тоšović 1979; Тоšović 1980).

Рассмотрим коротко все три приема ХудРеи Иво Андрича – встиховление, вповествование и вписание.

Что касается встиховления Андрича, существуют четыре типа поэзии, в которой он появляется.

А) Первый отличается тем, что имя писателя находится не в основном тексте, а в одной из частей стихотворения, а именно в паратексте в форме посвящения (серб.

posveta, нем. Widmung), начинающегося конструкцией с дательным падежом (к...) после заголовка, например:

Miloš Crnjanski. ETERIZAM. – (*Drugu Ivi Andriću*);⁵ ♦ Grigor Vitez. JEDAN SUSRET S BEOGRADOM. – *Ivi Andriću* ♦ Đoko Stojičić. ALIJA ĐERZELEZ. – *Ivi Andriću* ♦ Pavle Stanišić. ČUVAR VREMENA. – *Ivi Andriću u spomen* ♦ Ranko Risojević. ČETRNAESTA BOSANSKA ELEGIJA. – *Ivi Andriću*, „*Iz dumača i šuma, modrih*“ ♦ Jovanka Stojčinović-Nikolić. PISMO. – (*Andriću*) ♦ Radmilo. V. Radovanović. PRUŽAČ UTJEHE. – *Ivi Andriću* ♦ Aleš Debeljak. ŽENA KOJE NEMA. – *Homage Ivi Andriću* ♦ Kristina Mrđa. PJESMA O JELENI. – *Ivi Andriću* ♦ Nenad Grujičić. PISAC. – *Po Andriću* ♦ Željko Grujić. GLOG. – *Andrićevom Radisavu*.

Такие примеры являются хронологически первой формой поэтического вандричения, так как они зародились в начале творческой деятельности И. Андрича – имеем в виду стихи без заголовка Милоша Видаковица (1891–1915) и ETERIZAM [Этеризм] Милоша Црнянского (1893–1977).

Существуют стихотворения, приуроченные к той или иной дате или событию из жизни И. Андрича:

Dragan Kolundžija. POSETA ANDRIĆEVOM ŽIVOTU POSLEDNJIH NJEGOVIH DANA. – Povodom 50 godina od dobijanja Nobelove nagrade. ♦ Kemal Mahmutefendić. ANDRIĆ GOVORI. – Uz 10. oktobar, dan rođenja ♦ Stevan Tontić. ANDRIĆEV SPOMENIK. – *Uz stogodišnjicu rođenja*.

В некоторых случаях слова Андрича используются как мотто:

Ante Pavlovski. OTKRIVANJE OGNJIŠTA U PLANINI. – „*Neko je nekad bio vatra...*“ (*Ivo Andrić*) ♦ Kemal Mahmutefendić. PRIVIĐENJA SALKE ĆORKANA. – „*A, Ćorkane, Šta bi ti s njom kad bi ti je dali pa rekli, onako, evo ti je, tvoja je, pa čini s njom šta hoćeš? A?... – E, ne bih je, čini mi se, dotako. Eto!*“ *Ivo Andrić: ĆORKAN I ŠVABICA*.

Автор может обращаться к Иво Андричу на ты:

Gle, Ivo, već su jablanovi žuti | I sve je sumorno – sumorno (Miloš Vidaković. ***) ♦ *Rekao sam ti cvet jedan lak | ispuniće tvoje misli [...]* *O ničeg*

⁵ Стихотворные примеры в анализе взяты из хрестоматии Stojičić 2011. Точка с тире (.) указывает на то, что посвящение находится в следующей строке с правой стороны.

nek te nije žao. | Zato sam ti tu misao dao | tužnoj goloj i beloj, | neveselaj. Gledaj u jesen mirno, kako se gubi dan i ljudi | Blago kao jedno zvono | da zazvoni u daljini | mišlju tom sam te dodirno (Miloš Crnjanski. ETERIZAM). ♦ *Jedva sam mogao sagledati tvoje čelo uzdignuto u suncu | Kad sam došao da te vidim poslije teških dana. | Samo sam osjećao topao dodir tvojih dlanova. | Bolno si se nasmiješio pokazujući mi svoje rane | I rekao: | Izdržao sam sve stojeći! | Poveo si me zatim ulicama | Da mi pokažeš | Nekoliko mojih mladih dana | Zatrpanih u ruševinama | A ja sam pio tvoje riječi i ponosom i bezbožnošću djeteta | Slušao tebe starca koji noge namačeš u dvije rijeke | I znaš bezbroj godina napamet | Kao pjesme i priče iz davnina. | Ja volim tvoje riječi | Mirne široke kao Dunav* (Grigor Vitez. JEDAN SUSRET S BEOGRADOM). ♦ *U jedno majsko praskozorje | Sunce se klanjalo slavuju pjevu, | Vidjeh te kroz maglu što puže niz gorje | Na Drumu prema Ovčarevu || Izgledao si ko Ex Ponto | S mudrušću Proklete avlije, | Ozbiljan, smrknut, nešto si konto, | Al oko ti se, vidim, smije* (Muharem Bazdulj. IVO ANDRIĆ).

В некоторых стихах поэт идентифицируется с Андричем и пишет в первом лице единственного числа:

Rođen sam na ponjavi [...] *Tješilo me nešto | prijeteće [...]* *Postojim gazim stižem [...]* *Odakle mi tolika snaga [...]* *Bjeh čovjek | ni manje ni više | od ništa* Kemal Mahmutefendić. ANDRIĆ GOVORI.

Кроме стихотворений-посвящений, стихотворений-обращений, стихотворений-самоидентификации, существуют и стихотворения-(пере)осмысления. Такими являются:

Dara Sekulić. ZRNCA, ZRNCA ♦ Dragan Kolundžija. POSETA ANDRIĆEVOM ŽIVOTU POSLEDNJIH NJEGOVIH DANA. Kemal Mahmutefendić. ANDRIĆ GOVORI ♦ Ranko Pavlović. SVE SAM VIDEO.

Иногда в поэтический текст встраиваются литературные персонажи Иво Андрича. Чаще всего появляется Елена:

Vukman Otašević. JELENA, ŽENA KOJE IMA ♦ Aleš Debeljak. ŽENA KOJE NEMA ♦ Predrag Ćeranić. JELENA, KOJE NEMA ♦ Kristina Mrđa. PJESMA O JELENI.

Реже всплывают другие персонажи:

Fata: Dara Sekulić. AVDAGINA FATA ♦ Gospođica: Dara Sekulić. U KRUGU VREMENA ♦

Ćorkan: Kemal Mahmutefendić. PRIVIĐENJA SALKE ĆORKANA ♦ Radisav: Željko Grujić. GLOG ♦ Đerzelez: Đoko Stojić. ALIJA ĐEZELEZ ♦ Karadžoz: Sreten Vujković. PROKLETA AVLIJA.

Что касается транспозиции мотивов Андрича в поэзию, в качестве объекта выступают его произведения, причем иногда и в самом заглавии: PROKLETA AVLIJA 'Проклятый двор' (Sreten Vujković: PROKLETA AVLIJA, Zoran Đerić: AVLIJA, PROKLETA), NA DRINI ĆUPRIJA 'Мост на Дрине' (Blaže Baković: KLANFA SA ĆUPRIJE, Stevka Kozić-Preradović: ANDRIĆEVA KUĆA), PISMO IZ 1920 'Письмо из 1920 г.' (Jovanka Stojčinović-Nikolić: PISMO), Bife Titanik 'кафе Титаник' (Mile Stojić: KRČMA NA MOJMILU). Одно стихотворение имеет в заглавии само слово *motiv* 'мотив': Kolja Mićević. LEGENDA PREMA MOTIVIMA IZ NEKOLIKO ANDRIĆEVIN PRIPOVEDAKA.

Конкретными мотивами является *kupina* 'ежевика' (Rajko Petrov Nogo: ANDRIĆEVA KUPINA), *Andrićev spomenik* 'памятник Андричу' (Stevan Tontić: ANDRIĆEV SPOMENIK), *Andrićev venac* 'Веник Андрича [улица, на которой он жил]' (Dara Sekulić: ZRNCE, ZERICE), Srba Ignjatović: ANDRIĆEV VENAC), *Andrićeva kuća* 'дом Андрича' (Stevan Raičković: ENGLESKE TEME U NAPUŠTENJOJ KUĆI; Ranko Preradović: ANDRIĆEVA KUĆA), *tamni vilajet* 'темный мир' (Slobodan Bošković: ANDRIĆEV TAMNI VILAJET), *vatra* 'огонь' (Ante Popovski: OTKRIVANJE OGNJIŠTA U PLANINI), *igra* 'игра' (Vesna Krmović.***), *most* 'мост' (Pavle Stanišić: ĆUVAR VREMENA; Kemal Mahmutefendić: LILIJANA HER; Ružica Komar.***; Jovanka Stojčinović-Nikolić: PISMO), *mudrost* 'мудрость' (Dragan Kolundžija: POSETA ANDRIĆEVOM ŽIVOTU POSLEDNJIH NJEGOVIH DANA; Milovan Vitezović: Pjesma o ANDRIĆU), *avlija* 'двор' (Ružica Komar:***), *višegradska staza* 'вишеградская дорога' (Stevka Kozić-Preradović: MI, OD BOSNE), *pisac* 'писатель' (Nenad Grujić: PISAC). Различные мотивы находим в стихотворениях, авторами которых являются: Nenad Grujić: PISAC, Mile Stojić: KRČMA NA MOJMILU, Milenko Stojić: ANDRIĆ, -, Ljiljana Ilić: VATRA VODE, Radmila V. Radanović: PRUŽAČ UTJENA, Slobodan Kekić: ŠETNJA, Goran Šaula: U GOSTIMA KOD IVE ANDRIĆA, Valentina Milačić: 22. MOŽDA I. ANDRIĆU, Duško Novaković: NA LICU MESTA ĆARAPE, Darko Cvijetić: TAUTOLOGIJA

HIPERBOREJE. Jan Mihaelis: REČI SU ZALOG..., Željko Ivanković: OVČAREVA KORIZMA, Ranko Pavlović: SAVRŠENO SAM, Ružica Komar.***).

Вповествование Андрича является художественным приемом, при помощи которого писатель и его герои превращаются в персонажи прозаических произведений (романов, повестей, рассказов).

Нам известно пять романов, в которых Андрич выступает главным персонажем или одним из главных. Авторами первого (KAINOV OŽILJAK 'Шрам Каина') являются Владимир Кецманович и Деян Стоилькович (Кецмановић, Stojiljković 2014), второго (OŽILJCI TIŠINE 'Шрамы тишины') Милосав Савич (Savić 1998), третьего (PIŠI TIŠE ANDRIĆEVO IME 'Пиши тише имя Андрича') Миленко Стоичич (Stojić 2011), четвертого (OTROVANI BALKANOM: ROMAN-FILM: OMAŽ IVI ANDRIĆU 'Отравленные Балканы: роман-фильм: памяти Иво Андрича') Петра Зеца (Zec 2010), а пятого (PESNIK 'Поэт' Дивна Д. Радованович (Radovanović 2000).

В романе KAINOV OŽILJAK 'Шрам Каина' представлено художественное видение самого темного периода жизни, периода, о котором Андрич неохотно говорил, – его дипломатической службы с 1939 по 1941 г. в Берлине в качестве посла Королевства Сербии, Хорватии и Словении (Кецмановић, Stojiljković 2014). В тексте много фактографических данных, совпадающих или почти совпадающих с реальными данными из биографии Андрича: исторические даты (1939, 1941), места событий (Берлин, Ваймар, Грац, Констанца, Белград, Сараево, Вишеград, Краков...), исторические личности, литераторы (Гитлер, Геринг, фон Рибентроп, князь Павел, Милош Црнянский, Густав Крклец...), лица из частной жизни (Милица Бабич, отец), ситуации (встреча с Гитлером и рукопожатие с ним). Но в повествование вводятся и вымышленные персонажи (Дитрих / Крайский / Стефан Булюбашич, Андреас). В романе эксплицируются и имплицитно прозаические произведения Иво Андрича (PROKLETA AVLIJA 'Проклятый двор'⁶, ŽENA NA KAMENU 'Женщина на

⁶ Роман Шрам Каина можно толковать и как художественное видение основ для создания романа Проклятый двор.

камне'), его герои (Елена), некоторые из которых соотносятся с историческими личностями (Мустафа Маджар с Гилтером) или являются вымышленными персонажами (Дитрих с Караджозом, безымянная полуголая девушка с Аникой). В роман встраиваются мотивы из художественных произведений Андрича (игра Караджоза с заключенными из Проклятого двора, игра в карты с незнакомцем/чертом из романа Мост на Дрине) и легенд (легенда о Каине). Возникают сцены, несовместимые с дипломатической жизнью Андрича (он в ресторане проводит ночь до зари, пьет как пьяница, выпивает до дна; в беседе с ним Дитрих ругается самым безобразным матом). В повествование вводятся и известные (реальные) психофизиологические состояния Андрича, в первую очередь бессонница.

Роман ОЏИЉСИ ТИЏИНЕ 'Шрамы тишины' Милисава Савича отличается от предыдущего тем, что Андрич является не центральным персонажем, а одним из них – помимо писателя Милоша Црнянского существуют и две героини: С. и М. (Savić 1998). Второе отличие – сложная фабула: она переходит из места в место (Стамбул, Дубровник, Венеция, Рим, Вршац, Лондон, Приштина, Фиренца, Москва...).

В этом романе художественный Андрич выступает в пяти разновидностях.

Во-первых, он является адресатным эпистолярным персонажем – ему пишет Н. Н., студент второго курса факультета мировой литературы: первое письмо отправлено во время студенческих волнений в Белграде в июне 1968 г., последнее – в 1972 г.

Во-вторых, Андрич является объектным эпистолярным персонажем – лицом, упоминаемым в письмах Н. Н. после смерти писателя. Первое из них адресовано Фонду Иво Андрича в Белграде (Zadužbina Ive Andića). В письме (датированном 8 августа 1980 г.) приводятся данные из жизни Андрича, которые нигде не упоминаются в его биографиях, а именно то, что у него был внебрачный сын Петр Богич, родившийся из связи с горничной в 1924 г. в Соко Бане (Savić 1998: 94). Этот «сын» в конце жизни спивается и умирает от цирроза. Во втором письме от 6 мая 1982

г. Н. Н. обращается к публицисту Радовану Поповичу, написавшему биографию Андрича. В этой эпистоле Н. Н. раскрывает подробности о «сыне» Андрича (Savić 1998: 111–116). Письмо заканчивается новой информацией – о том, что «недавно» в Фонде И. Андрича появился юноша, который утверждал, что он является внуком Андрича. В третьем письме Радовану Поповичу (в конце июля 1983 г.) Н. Н. сообщает, что Андрич в 1972 г. упал в яму на улице им. Узун Мирка. В письме писателя упрекают за молчание во время студенческих демонстраций в 1968 г. (Savić 1998: 128). В четвертом письме (5 мая 1984 г.) Н. Н. расширяет рассказ из предыдущего письма еще одной деталью: Андрич однажды поскользнулся на фекалии и упал (Savić 1998: 137–141). Пятое письмо (10 октября 1994) появляется в конце романа по поводу двадцатилетия со дня смерти Андрича (Savić 1998: 212–215). Господствующим мотивом в нем является характерная черта писателя – молчание. Но здесь изображенные черты абсолютно несвойственны ему: умирая в больнице, Андрич ругается как настоящий кучер, выражается нецензурными словами, *почти как животное (gotovo kao životinja)*, медсестре говорит различные гадости, пищу буквально глотает (Savić 1998: 214). Он скончался так, что за час до смерти засунул руку в блузку медсестры и отдал богу душу с рукой на ее груди.

В-третьих, Андрич является отсылочным персонажем: Милисав Савич на стр. 64 пишет о том, что для фабулы релевантными являются ссылки – причем не две-три, а целых 12 (Savić 1998: 64–68). Четвертая из них полностью относится к Андричу. В ней под а) приводятся довольно подробные биографические данные, без их художественной модификации (Savić 1998: 65–67), а под б) данные о Милоше Црнянском.⁷ Отсылочный Андрич возникает и в главе «Ссылки для завершающей части книги» [Fusnote za završni deo knjige], а именно как восьмая ссылка (из девяти) в форме библиографической единицы о его докторской диссертации, защищенной в Граце в 1924 г.

⁷ Он является, в отличие от Андрича, одним из героев повествования (описывается его реально-вымышленная жизнь в Лондоне, Опатии и Белграде).

В-четвертых, Андрич является компаративным персонажем – на стр. 74 один из героев говорит: *Pljunuti Andrić* ‘Вылитый Андрич’.

В-пятых, Андрич имеет позицию опосредованного персонажа – он встраивается в повествование о другом писателе (Милоше Црнянском, который *в Лондоне встретил своего старого друга, Иво Андрича*) – Savić 1998: 144. Опосредованными являются и некоторые герои Андрича, например, Галус, который появляется в одном письме Н. Н. (Savić 1998: 153). В конце романа Андрич и Црнянский вступают в диалог (Savić 1998: 153).

В-шестых, Андрич как неопосредованный персонаж появляется под конец романа, когда одна из героинь говорит, что ее спасителями являются Иво Андрич и Милош Црнянский со своими супругами Милицей и Видой (Savić 1998: 200), и когда затрагиваются непростые отношения между этими двумя великими писателями (Savić 1998: 206).

В романе Миленко Стоичича *Piši tiše Andrićevo ime* ‘Пиши тише имя Андрича’ автор использует/копирует/вводит/модифицирует многочисленные мотивы, связанные с жизнью и деятельностью Андрича, а также вносит в повествование его героев: доктора Левенфельда, Милана Гавриловича, Омера паши, Джерзелеза, Радисава и др. (Stojičić 2011). В тексте появляется Андрич в новом контексте – в диалоге, точнее, в монологе. Чаще всего отсутствует любая реакция писателя (она появляется, скажем, на стр. 53–57, когда восстанавливается беседа Андрича и Яндрича). При этом вводятся данные из его жизни (например: Stojičić 2011: 36), выдержки из его произведений (Stojičić 2011: 39, 42–43, 47, 48, 51). Стоичич иногда создает ассоциации к событиям после смерти Андрича (например, соотносится мотив разрушения моста в романе *Мост на Дрине* с реальной попыткой его разрушения в 1992, а также со случившемся в этом же году сносом памятника Андричу в Вишереграде (Stojičić 2011: 70–75). Основным лейтмотивом повествования является Босния в период последней войны и после нее, точнее, трагические последствия боснийский межэтнических столкновений. При этом часто всплывает

оппозиция послевоенная Босния ↔ повествовательная Босния.

Своеобразие романа *OTROVANI BALKANOM: ROMAN-FILM: OMAŽ IVI ANDRIĆU* ‘Отравленные Балканы: роман-фильм: памяти Иво Андрича’ Петра Зеца в том, что в нем он дописал незаконченный роман Андрича *Omer-pala Latas* ‘Омер-паша Латас’ (Zec 2010).

Роман Дивны Д. Радованович *PESNIK ‘Поэт’* (Radovanović 2000) является романом-трактатом не только об Андриче, размышляющем при смерти о своем творчестве и жизни (особенно в Боснии), но и о литературе вообще.

Существует целая галерея романов, в которых Андрич является не главным, а периферийным героем, художественным мотивом и/или ориентиром. Сюда относятся произведения *Albahari* 2008, *Anušić* 1996, *Anušić* 2010, *Babić* 1994, *Bajac* 2010, *Barna* 2008, *Brđanin*, 2010, *Dimić* 1966, *Dimitrijević* 2009, *Her* 2010, *Jovanović* 1998, *Kapor/Džumhur* 1992, *Kulenović* 2008, *Levajac* 2000, *Lukač* 2006, *Nikolić* 1995, *Radovanović* 2000, *Sejranović* 2008, *Smiljanić* 1997, *Šajin* 2009, *Šarić* 2008, *Vitezović* 2002, *Zec* 2010, *Živaljević* 2005.

Повестей и рассказов, написанных с использованием приема вандричения, намного больше. В них в качестве мотива чаще всего выступают: прогулка (*Đurđić* 1996, *Grobarov* 1996, *Ognjenović* 1996, *Pavković* 1996, *Raičević* 1996), женщина (*Ćirjanić*, *Prens* 1996, *Basara* 1996, *Risojević* 2011), частная жизнь (*Marčetić* 1996), Берлин (*Demić* 1996, *Kecmanović* 1996, *Stojiljković* 2014), виртуальные беседы (*Aćin* 1996, *Ćirić* 1996, *Perić* 1996), город Херцег Новиый (*Vuković* 1996), смерть (*Dimić* 1996: *Kiš* 1996), игра в карты, точнее, игра с чертом (*Malović* 1996), игра словами (*Pisarev* 1996), выставка в 1951 г. и просьба убрать фотографию с Гитлером (*Simonović* 1996), писатель Борисав Станкович (*Mihailović* 1996), уточнение идентитета – Андрич является армянином (*Basara* 1996), восхищение (*Marojević* 1996). В ряде случаев в качестве мотивов выступают его произведения: *ZNAKOVI PORED PUTA* ‘Знаки вдоль дороги’ (*Nikolić* 1996), *NA DRINI ĆUPRIJA* ‘Мост на Дрине’ (*Josić Višnjić* 1996), *PISMO IZ 1920* ‘Письмо из

1920 г.' (Bazdulj 2011, Karahasan 2011; Prodanović 1996, Stojčić 2011b).⁸

Особенно часто используется эффект обманутого ожидания: например, Иво Андрич мечтает сжечь Фонд Андрича (Basara 1996), связывается с ограблением бензоколонки, придуманным Микеланджелом (Pantić 1996), в гостиничном номере застаёт в кровати неизвестную молодую женщину (Risojević 2011), в поездках скрывает свою личность и придумывает различные профессии: исследователь древностей, торговец скотом, древесиной и молочными продуктами, игрок, поденщик, ученый, изучающий лекарственные растения (Savić 1996), в зеркале видит себя, разбросанного в тысячах кусочков (Žurić 1996). Или: Андрич был еще ребенком, когда Вук Стефанович Караджич стал первым лауреатом Нобелевской премии за литературу [...] (Damjanov 1996).

Прием вписания (внедрения Андрича в пьесы) намного реже используется – нам известны только два произведения, авторами которых являются Драгослав Янич (VELEPOSANIK: DRAMA U DVANAEST SCENA

'Посол: пьеса в двенадцати сценах', Janjić 2013) и Елена Зупанц (ZAGREB – BEOGRAD PREKO SARAJEVA 'Загреб – Белград через Сараево', Zupanc 1992). Действие пьесы Янича проходит в кабинете Андрича в Берлине, в Констанце, парке Калемегдан и на железнодорожном вокзале в Белграде. Автор довольно верно оперирует с автобиографическими данными Андрича. В диалоги вводятся части произведения Андрича (ZNAKOVI PORED PUTA 'Знаки вдоль дороги' и др.). Пьеса, точнее, телевизионный фильм Елены Зупанц ZAGREB – BEOGRAD PREKO SARAJEVA 'Загреб – Белград через Сараево' (Zupanc 1992) говорит о том, как по окончании второй мировой войны Иво Андрич и Милош Црњанский познакомились в больнице в Загребе и потом отправились поездом в Белград.

Особняком стоит произведение Войводица SUDBINA UMETNIKA: RAZGOVORI S IVOM ANDRIĆEM 'Судьба художника: беседы с Иво Андричем' (Vojvodić 1989), так как речь идет о гибридном жанре, объединяющем эссе и прозаический/драматический текст.

⁸Иногда авторы обыгрывают заглавия Андрича и своим поэтическим и прозаическим текстам дают названия произведений Андрича: PROKLETA AVLIJA (Vujković 2011) или их модифицируют: DRINA NA ĆUPRIJI ← NA DRINI ĆUPRIJA (Damjanov 1996), PRIČA O ĆUPRIJI NA MOSTONGI ← NA DRINI ĆUPRIJA (Josić Višnjić 1996, KLANFA SA ĆUPRIJE NA DRINI ← NA DRINI ĆUPRIJA (Baković 2011), KRAJ PUTA ← ZNAKOVI PORED PUTA (Marojević 1996), ZNAK PORED PUTA ← ZNAKOVI PORED PUTA (Nikolić 1996), JELENA ŽENA KOJE IMA ← JELENA ŽENA KOJE NEMA (Otašević 2011), JELENA, KOJE IMA ← JELENA ŽENA KOJE NEMA (Ćeranić 2011), ŽENA KOJE NEMA ← JELENA ŽENA KOJE NEMA (DEBELJAK 2011). Такие игры применяются и по отношению к другим писателям, например, к Мирославу Крлеже и его роману POVRATAK FILIPA LATINOVIĆA 'Возвращение Филиппа Латиновича' – Борис Перич написал роман с этим же заглавием (Perić 2013).

Литература

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с французского и вступительная статья О. А. Печенкиной. – Тула: Тульский полиграфист, 2013. – 204 с.
2. Версия 1-www: Версия 1. URL: http://vidimo-nevidimoe.ru/index.php?route=pavblog/blog&blog_id=179.
3. Ильин И. П. Постмодернизм: Словарь терминов. – М.: ИНИОН РАН (отдел литературоведения), Intrada, 2001. – 384 с.
4. К вопросу-www: К вопросу о. Постмодернизм. Бодрийяр. Симулякры. URL: <http://www.stihi.ru/diary/devianta/2010-02-20>.
5. Ajdačić D. (priredio). Tesla kao lik u umetnosti. – Beograd: Albatros Plus, 2014. – 186 s.
6. Stojičić M. Kočić, munja nad književinom. – Banja Luka: Udruženje književnika Srpske, 2010. – 130 s.
7. Stojičić M. (priredio). Kiš kao Kiš. – Banja Luka – Beograd: Besjeda – Ars Libri, 2013. – 192 s.
8. Tošović B. Stilizacija jezika u romanu PETAR PRVI A. N. Tolstoja // Radovi Filozofskog fakulteta u Sarajevu. – Sarajevo. – 1979. – Knj. 9–10. – S. 153–167.
9. Tošović B. Stilizacija // Književna istorija. – Beograd. – 1980. – God. 12, br. 45. – S. 91–127.

Источники

1. Aćin J. Zaraza // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 173–181.
2. Albahari D. Brat: roman. – Beograd: Stubovi kulture, 2008. – 197 s.
3. Anušić A. Hrist sa Drine. – Banja Luka – Beograd: Zadužbina „Petar Kočić“, 1996. – 62 s.
4. Anušić A. Prozor otvoren na visibabu i kukurek: roman. – Istočno Sarajevo : Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, 2010. – 190 s.
5. Babić J. Uspenije Gavrilovo: roman. – Banja Luka: Narodna i univerzitetska biblioteka „Petar Kočić“, 1994. – 286 s.
6. Bajac V. Hamam Balkanija: roman i druge priče. – Beograd: Arhipelag, 2010. – 303 s.
7. Baković B. Klanfa sa ćuprije na Drini // Stojičić M. Andrić, ex privata. – Banja Luka – Beograd: Besjeda – Ars Libri, 2011. – S. 56–57.
8. Barna L. Moja poslednja glavobolja: roman. – Beograd: Zavod za udžbenike, 2008. – 165 s.
9. Basara S. Poslednji dani i smrt Ive Andrića // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 371–384.
10. Bazdulj M. Drugo pismo iz 1920 // Stojičić M. Andrić, ex privata. – Banja Luka – Beograd: Besjeda – Ars Libri, 2011. – S. 186–194.
11. Bajović Brđanin B. Sila: put u zavičaj. Roman. – Beograd: Filip Višnjić, 2010. – 230 s.
12. Čeranić P. Jelena, koje nema // Stojičić M. Andrić, ex privata. – Banja Luka – Beograd: Besjeda – Ars Libri, 2011. – S. 63.
13. Ćirić Z. Kad sveci marširaju // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 327–341.
14. Ćirjanić G., Prens H. O. Konzul i recitatorka // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 85–106.
15. Damjanov S. Drina na Ćupriji // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. Beograd: Laguna, 1996. – S. 359–369.
16. Dangubić R. Na Kanli kuli // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 283–297.
17. Debeljak A. Žena koje nema // Stojičić M. Andrić, ex privata. – Banja Luka – Beograd: Besjeda – Ars Libri, 2011. – S. 61.

18. Demić M. Slepí koloseci čekanja // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. Beograd: Laguna, 1996. – S. 213.
19. Dimić M. Živeo život Tola Manojlović: kratka proza [roman]. – Beograd: Prosveta, 1966. – 113 s.
20. Dimić I. Priča koja je imala senku // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 25–28.
21. Dimitrijević R. Vrelo: roman. – Banja Luka: Art print, 2009. – 119 s.
22. Đurđić L. Pisac u novembru // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 117–129.
23. Grobarov J. Hiljadarka od nobelovca // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 349–351.
24. Her L. Sunce, potom: roman. – Zrenjanin: Agora, 2010. – 121 s.
25. Janjić D. Veleposlanik: drama u dvanaest scena. – Sarajevo: DES, 2013. – 116 s.
26. Josić Višnjić M. Priča o ćupriji na Mostongi // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 55–78.
27. Jovanović Danilov D. Ikonostas na kraju sveta: roman-kenotaf. – Novi Sad: Svetovi, 1998. – 171 s.
28. Kapor M., Džumhur Z. Zelena čoja Montenegra: roman. – Beograd – Podgorica: Prosveta – Oktoih, 1992. – 217 s.
29. Karahasan D. Sarajevo – četiri godišnja doba. – Sarajevo: Connectum, 2011. – 245 s.
30. Kecmanović V. Turska vazna // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 183–189.
31. Kecmanović V., Stojiljković D. Kainov ožiljak. – Beograd: Laguna, 2014. – 335 s.
32. Kiš D. Dug // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 9–20.
33. Kulenović T. Jesenja violina: Bildungsroman. – Sarajevo: Međunarodni centar za mir – Connectum – Planjax, 2008. – 248 s.
34. Levajac T. Jopet sudanija: kloniranje priče. – Banja Luka: Art print, 2000. – 261 s.
35. Lukač R. Samrtini zagrljaj: roman. – Beograd: Filip Višnjić, 2006. – 329 s.
36. Malović N. Andrić i đavo // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 299–316.
37. Marčetić M. Šta vam je u srcu? // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996a. – S. 159–171.
38. Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996b. – 385 s.
39. Marčetić M. Putnik sa dalekog neba: Miloš Crnjanski u priči. – Beograd: Laguna, 2013. – 388 s.
40. Marojević I. Kraj puta // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 145–158.
41. Mihailović D. Lepo pisanje // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 31–53.
42. Nikolić D. Kraljica zabave: roman. – Beograd: Nolit, 1995. – 199 s.
43. Nikolić D. Znak pored puta // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 79–83.
44. Ognjenović V. Pesama sa 60. strane // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 139–143.
45. Otašević V. Jelena, žena koje ima // Stojičić M. Andrić, ex privata. – Banja Luka – Beograd: Besjeda – Ars Libri, 2011. – S. 28.
46. Pantić M. Leonardo. pljačkaš benzinske pumpe // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 191–201.
47. Pavković V. Daleki. daleki susret // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 131–138.
48. Perić V. Sve o mojoj baki // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. Beograd: Laguna, 1996. – S. 271–282.
49. Perić B. Povatak Filipa Latinovića: roman. – Zagreb: Oceanmore, 2013. – 223 s.

50. Pisarev Đ. Kafa ili čaj? // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. Beograd: Laguna, 1996. – S. 343–346.
51. Prodanović M. I-mejl iz 2000 (ponovljeno odigravanje) // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 253–269.
52. Radovanović D. D. Pesnik: roman. – Beograd: Teovid, 2000. – 108 s.
53. Raičević M. Forsiranje Kalemegdana // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 353–358.
54. Risojević R. Andrić u hotelu Palas. 2015 [Neobjavljeni rukopis].
55. Savić M. Ljubavno pismo ili priča o sveznajućem pripovedaču // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 107–115.
56. Savić M. Ožiljci tišine. – Beograd: Prosveta, 1998. – 228 s.
57. Sejranović B. Nigdje, niotkuda: roman. – Zagreb: Profil International, 2008. – 251 s.
58. Simonović D. Otisak // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 243–251.
59. Smiljanić R. Pozorište Beograd: roman o Pavlimiru Gligoviću i Andriću. – Beograd: Narodna knjiga – Alfa, 1997. – 239 s.
60. Stojičić M. Andrić, ex privata. – Banja Luka – Beograd: Besjeda – Ars Libri, 2011a. – 216 s.
61. Stojičić M. Banjaluški miloštar: roman-raspra. – Banja Luka: Art-Print, 2008. – 141 s.
62. Stojičić M. Pismo doktoru Levenfeldu... // Stojičić M. Andrić, ex privata. – Banja Luka – Beograd: Besjeda – Ars Libri, 2011b. – S. 153–156.
63. Stojičić M. Piši tiše Andrićevo ime: roman-didaskalija. – Banja Luka: Radio-televizija Republike Srpske, 2011b. – 206 s.
64. Stojičić M. (priredio). Ćopić, svileni pisac. – Banja Luka: Narodna i univerzitetska biblioteka Republike Srpske, 2015a. – 117 s.
65. Stojičić M. (priredio). Ćopić u mašti sljezove boje. – Banja Luka: Udruženje književnika Srpske, 2015b. – 162 s.
66. Stojičić M. (priredio). Kočić i Ćopić, od miloduva do sljeza književnosti. – Banja Luka: Art print, 2015c. – 152 s.
67. Stojičić M. (priredio). Kiš, stihovanja. – Banja Luka: Besjeda, 2015d. – 151 s.
68. Stojiljković D. Mrtve stvari // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 2014. – S. 227–242.
69. Šajin A. Valterovi notati: roman. – Banja Luka: Udruženje književnika Srpske, Podružnica Banja Luka, 2009. – 101 s.
70. Šarić Z. Kvarož naravi: roman. – Banja Luka – Beograd: Besjeda – Ars Libri, 2008. – 374 s.
71. Vitezović M. Burleska u Parizu: roman sa Bulatovićem i epohom. – Beograd: Jugoslovenska knjiga, 2002. – 251 s.
72. Vojvodić R. Sudbina umetnika: razgovori s Ivom Andrićem. – Gornji Milanovac: Dečje novine, 1989. – 153 s.
73. Vujković S. Prokleta avlija // Stojičić M. Andrić, ex privata. – Banja Luka – Beograd: Besjeda – Ars Libri, 2011. – S. 33.
74. Vuković M. Čovek koji će upoznati Andrića // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 319–326.
75. Zec P. Otrovani Balkanom: roman-film: omaž Ivi Andriću. – Beograd: Laguna, 2010. – 239 s.
76. Zupanc J. Zagreb – Beograd preko Sarajeva: drama, televizijski film (57 minuta). 1992. URL: http://www.dailymotion.com/video/x2ehc1g_zagreb-beograd-preko-sarajeva-1992-domaci-film_shortfilms.
77. Živaljević Velički T. Gor(s)ka rapsodija: roman. – Podgorica: Unireks, 2005. – 244 s.
78. Žurić V. Agramerski domino // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 203–212.
79. Žurić V. Republika Ćopić: Narodnooslobodilački roman u devet ofanziva. – Beograd: Službeni glasnik, 2015. – 191 s.